

А. В. КОВЕЛЬМАН

«УМЕРЕННЫЕ» В РИМСКОМ ЕГИПТЕ
(к вопросу о судьбе полисной идеологии на Востоке)

В литературе неоднократно отмечалась «моральная переоценка» бедности и бедняков, совершенная христианством¹. Античности свойственно презрительное отношение не только к рабам, но и к беднякам-труженикам. Их считали существами морально неполноценными, безнравственными². Такое мнение восходит, видимо, к основам полисной этики. Ведь полис был коллективом земельных собственников³, и потеря земли часто означала лишение гражданских прав, а следовательно, потерю уважения граждан. Аристотель писал: «Невозможно человеку, живущему на положении ремесленника или поденщика, удовлетворять требованиям, предъявляемым добродетелью»⁴. Раннее христианство, напротив, провозгласило близость бедных к богу, их нравственное превосходство над богатыми, достоинство физического труда.

Не удивительно, что истоки этой проповеди ищут где угодно, только не в полисной идеологии. А. Хаук констатирует чужеродность идеала бедности как Ветхому Завету, так и греческой философии. Для стоиков бедность — «безразличное», и лишь Дион Хрисостом превозносил охотников и рыбаков, живших в бедности и труде. В лучшем случае философы воспринимали бедность как условие свободы, но не как признак близости к богу⁵. Й. Фогт находит элементы христианского отношения к бедности уже в Ветхом Завете, особенно в его греческом переводе — Септуагинте, где слова «бедный», «смиренный» приобретают положительное значение в полном контрасте с их лингвистическим употреблением «языческим» эллинистическим миром⁶. М. А. Коростовцев отмечает египетское влияние в отношении христианства к бедности. Он ссылается на египетскую сказку 46—47 гг. н.э., отдающую предпочтение праведному бедняку перед неправедным богачом на суде Осириса⁷. По мнению Е. М. Штаерман, отдельные призывы античных философов к бедности являются не чем иным, как проповедью «паразитической жизни за счет общества»⁸.

Между тем Ф. Энгельс писал об огромном влиянии на христианскую этику учения Сенеки, проповедовавшего «бедность

евангельского Лазаря», о роли «греческой вульгарной философии» в образовании христианства⁹. Философия же эта в конечном счете коренится в полисной идеологии.

Существует ли связь между полисной системой ценностей и нравственным идеалом смиренного бедняка, сложившимся в первые века нашей эры? Попытаемся дать хотя бы частичный ответ на этот вопрос, опираясь на египетский материал — папирусы I—IV вв. н.э. Источники более позднего периода будут привлекаться постольку, поскольку они позволяют представить перспективы развития интересующего нас явления.

Со II в. н.э. слово *μέτριος* (умеренный), обычное в философских трактатах, начинает встречаться в папирусах, отнюдь не философских по своему содержанию: жалобах, прошениях и т. п. Авторы документов придают ему новый смысл — не «умеренный», а «бедный»¹⁰. Есть указание и на более широкую сферу применения слова в его измененном значении, чем собственно канцелярский язык: греко-латинский письмовник III—IV вв. переводит *μέτριος* как *pauper*¹¹.

Е. Кадель объясняет данное лингвистическое явление тяжестью фискального гнета и экономическими трудностями, переживаемыми Египтом в IV в. н.э. Нарастающая бедность вызвала нужду в соответствующей терминологии¹².

Однако остается непонятным, почему составителям жалоб и прошений понадобилось называть себя именно *μέτριος*, меняя первоначальное значение слова. А такие термины как *πένης* и *πτωχός* гораздо реже употреблялись в папирусах (обычно мы находим их в цитатах и отрывках из Нового Завета, в литургических текстах). К тому же метриой впервые появляются в папирусах не III—IV вв., как пишет Е. Кадель, а сравнительно благополучного II в. н.э.¹³

Необычное словоупотребление разъясняется лишь на фоне общей этической переоценки бедности в первых веках новой эры. Ведь понятие «метриос» всегда имело в греческом языке положительный смысл. Умеренность — положительное качество для большинства философских систем Эллады¹⁴. Данный период особенно был характерен философской проповедью умеренности и воздержанности. Можно предположить, что и в папирусах слово «метриос» несло этическую нагрузку в отличие от нейтрального слова *πένης*. Люди говорили о своей бедности с уважением к ней. Попытаемся проверить это предположение.

Аврелий Исидор, человек довольно зажиточный (владелец 140 аур), подал за свою жизнь множество прошений и жалоб. Чтобы вызвать сочувствие чиновников, он постоянно ссыался на бедность и скудость своих средств к существованию. В одном из документов Аврелий Исидор пишет стратегу Арсиноитского нома «Твое, о господин гегемон, покровительство обычно простирается на всех, в особенности же на нас, бедных и живущих добродетельно (*τοῖς μετρίοις καὶ καλῶς εὖ βιοῦντες*)»¹⁵.

В большинстве прошений Аврелия Исидора μέτριος означает просто «бедный». В том же папирусе несколькими строками ниже он говорит о себе: «Человек бедный (μέτριος) совершенно, весьма нуждающийся в необходимом пропитании»¹⁵. Но в первой цитате, как справедливо отметили издатели, присутствуют оба смысла: и бедный, и умеренный, уважаемый (respectable)¹⁷.

В стихотворной эпитафии пайдотрибу (учителю гимнастики) одного из египетских гимнасиев сказано от лица умершего: «Я был μέτριος, пока жил, почтенный пайдотриб в гимнасиях»¹⁸. Издатель переводит mesurè (умеренный). Надпись, по его мнению, «настаивает на качестве, которое являлось, вероятно, весьма редким в гимнасиях. Это похвала умеренности»¹⁹. Но можно предположить, что автор надписи не только во второй, но и в первой части определения имеет в виду социальное положение учителя: «Пока я жил, я был человеком небогатым, почтенным пайдотрибом в гимнасиях».

Во всяком случае, μέτριος — обычный эпитет для атлетов. Один из них просит императора, чтобы его, «мужа μετρίου и весьма потрудившегося» назначили вестником, так как предыдущие императоры постановили передавать эту должность лишь гимнастам, «проведшим жизнь в трудах и упражнениях»²⁰. Как и в приведенных выше документах возможны оба варианта при переводе слова μέτριος — и бедный, и умеренный, почтенный.

Образ бедной и трудовой жизни, обрисованный атлетом, весьма напоминает раннехристианский идеал, прослеженный Е. М. Штаерман в надписях Италии и западных провинций.

Тот же идеал мы встречаем в документе середины VI в. н. э. (548). Жители деревни Афродито жалуются на пагарха города Антинуполя. Пагарх увел скот крестьян: «Так, чтобы нам, разоренным, невозможно было платить обычные подати и жить μετρίως (бедно, умеренно) со всеми орудиями и животными». Им остается надеяться на бога и на императрицу Феодору, которая призреет их смирение (ταπεινῶσιν), и «мы сможем εὐκόλως (мирно) жить и спокойно работать над священными налогами»²¹.

Μετρίως имеет здесь сугубо положительный смысл, переводится и «бедно» и «умеренно», «достойно». Крестьяне говорят о своей честной, трудовой бедности, о своем усердии в выполнении государственных повинностей, о смирении (ταπεινῶσις) и кротости (εὐκολία).

Схожая формула представлена в прошении 207 г. н. э. Податель его протестует против привлечения к еще одной литургии сверх уже имеющейся. «Будучи прежде зачислен в стражники, я безусловно (ἀμέπτως) исполнял эту должность. Одновременно, я вношу ежегодно подушную подать, живя земледельческой и мирной жизнью (γεωργικὸν καὶ ἀπραγμονα βίον ξῶν)»²².

Земледельческая жизнь, миролюбие, кротость, безусловное выполнение повинностей предстают качествами сугубо положительными.

Что касается «безупречности», то на нее постоянно ссылались авторы жалоб и прошений²³. По мнению Е. М. Штаерман, предписание «отдавать кесарю кесарево», повиноваться властям сделалось нормой раннехристианской морали в условиях, когда всякое неповиновение грозило репрессиями²⁴.

Кротость, миролюбие также относятся к числу добродетелей «умеренных» людей. Кроме приведенных примеров можно назвать следующие.

В 120 г. н. э. крестьяне жалуются на богатого соседа, отнявшего у них землю, «презирая» кротость (*ἀπραγμοσύνης*) обиженных²⁵. Некую вдову, «презирая ее кротость (*ἀπραγμοσύνης*)», обманули опекуны²⁶.

И, наконец, христианский документ IV в. н. э. (один из самых ранних). Это жалоба диакона Аврелия Зоила препозиту пага Аврелию Исидору²⁷. У лежавшего при смерти сына диакона украли имущество и увели жену. После кончины сына Зоил пытался вступить в конфликт с грабителями, но уступил им, упражняясь в мирной (кроткой) жизни (*τὸν ἀπράγμονα βίον ἔσχῶν*). Когда же другой его сын попробовал восстановить справедливость, то насильники чуть не убили его, «презирая наши времена, исполненные закона, и нашу кротость (*ἀπραγμοσύνης*)». Жалоба предваряется риторическим обращением к препозиту пага: «Те, кто выбрал путь бесстыдный и разбойничий, о чистейший из людей, должны испытать на себе карающую силу закона!»

Д. Бэрнес замечает, что, если провозглашение кротости встречается и в «языческих» папирусах, то употребление слова *ἔσχῶν* (упражняясь) подразумевает христианского автора²⁸. Но то же выражение употребляет в приведенной выше петиции «умеренный» атлет, прошедший жизнь «в трудах и упражнениях (*ἔσχῃσι καὶ πόνοις*)»²⁹.

Духом «кротости» исполнено также прошение Теона, бывшего гимнасиарха Мемфиса (212 г. н. э.). Теон жалуется на погонщика верблюдов Апиона, получившего у него задаток и сбежавшего вместе с ним и с упряжью³⁰. Само бегство Апиона Теон не воспринял как повод для жалобы. Он воздержался от обращения к властям, «зная его (Апиона) глупость... чтобы не претерпеть от него худшего». Но, встретившись случайно с погонщиком, он обвинил его в краже. В ответ Апион «проявил ту же глупость» и, видимо, обрушился на Теона с ругательствами. И лишь опасаясь, что погонщик перейдет от слов к делу, «обезопасивая себя», Теон решил подать прошение стратегу Мемфисского нома с тем, чтобы Апион был схвачен и «его жизнь тщательно исследована». Характерна настойчивость, с которой бывший гимнасиарх подчеркивает свое нежелание обращаться к властям, затевать конфликт. При этом в роли обидчика оказывается простой погонщик, а в роли кроткого обиженного — бывший гимнасиарх.

Ἀπραγμοσύνη, которой хвалится диакон,— одна из коренных добродетелей эллинистической философии. Прежде чем приобрести более общий смысл (кротость, миролюбие), она означала, видимо, отстранение от активной полисной жизни. Противоположным понятием была φιλοπραγμοσύνη (любовь к деятельности, суетливость, сутяжничество). Так Филон Александрийский писал: «Глупый человек обегает рынок и театры, судилища и булевтерии, народные собрания и все сборища людские, будучи предан суетливости (φιλοπραγμοσύνη) ... Умный же, напротив, являясь почитателем мирной жизни (ἀπράγμονος ... βίου), продвигается медленно и любит одиночество»³¹. Φιλοπραγμοσύνη, по мнению Филона,— одна из черт склонной к беспорядкам александрийской толпы³².

Апологию «умеренной» земледельческой жизни содержит стихотворная надпись конца I в. до н. э.— начала I в. н. э.³³ Слово μέτριος здесь не употребляется, но идеология «честной бедности» налицо. Надпись кратко излагает жизненный путь, заслуги и нравственные принципы некоего Птолемагрия или Птолемея Агрия. Птолемагрий, вероятно, служил в римской армии и получил земельный участок в Египте. Он достаточно богат, чтобы дважды в год угощать весь демос Панополя. К. Уэллес выдвинул гипотезу, в соответствии с которой сад, где установлена надпись и где работает Птолемагрий, не является источником его дохода. Птолемагрий посвятил сад местному божеству, коего он называет Фебом. На доходы от своего труда в саду владелец и кормит панополитанский демос³⁴. И этот весьма состоятельный человек проповедует умеренность и земледельческий труд. Надпись гласит:

«Вот жизнь Агрия и его детей:
Финики внутри сада и персеи вдоль дорог,
Одна кобыла и два вьючных мула —
Предводители благочестивых работ,
Которыми всегда живут вполне философски:
В различных трудах и в простоте,
Вдали от богатства и дурно подражающей зависти»³⁵.

Птолемагрий подробно рассказывает, как он вместе с сыновьями «посвятил свои усилия новым персеям, посадив их, старые же, почти засохшие персеи с опустевших земель спас, оживив»³⁶. Он «много трудился телом и душой в благочестивых делах, не заботясь о старости»³⁷. Его хвалят за «правильную жизнь и мудрость»³⁸. И самое надпись он воздвиг собственным трудом³⁹.

Можно согласиться с К. Уэллесом относительно характера бедности Птолемагрия: надпись имеет в виду не бедность, а средний достаток, который греческая мысль всех периодов считала идеальным состоянием⁴⁰. К. Уэллес отмечает также, что физический труд никогда не был в почете на египетской земле и

крайне редко прославлялся в античности⁴¹. Но ведь Птолемагрий имеет в виду труд земледельца, причем земледельца самостоятельного, а не арендатора. И в Риме, и во многих греческих государствах такой труд был почетен.

По мнению Аристотеля, законность обеспечивает демократии правление «земледельческого класса и класса, обладающего средним (μέτριον) достатком»⁴². «Так как, по общепринятому мнению, умеренность (τὸ μέτριον) и середина — наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ лучше всего»⁴³. Поэтому правление «имеющих средний достаток» — наилучшее⁴⁴. Μέτριος, как отмечено в словаре Лиддела-Скотта, — излюбленное слово в демократических государствах (у таких авторов, как Демосфен, Аристофан и др.). Видимо, идеология умеренности принадлежит прежде всего средним слоям землевладельцев и рабовладельцев.

Как известно, римское завоевание способствовало формированию именно таких слоев в Египте. Переход «царской» земли в частную собственность, оседание ветеранов на землю, муниципализация Египта, распространение греческой образованности — все это выразилось в появлении нового социального типа, близкого к типу полисного, среднего человека⁴⁵.

К I в. н.э. относится его зарождение⁴⁶, ко II в. — экономический расцвет⁴⁷, в III в. средние слои выделяют из себя куриялов — городскую верхушку, но уже со второй половины IV в. начинается их упадок в связи с развитием крупного землевладения, колоната, патронии и т. п.⁴⁸

К этому типу принадлежат Аврелий Исидор, Птолемагрий, а также Аврелий Деметрий, сын Нила, Птолемей, сын Эудаймона и Аврелий Гонорат, упомянутые далее.

Подобно египетским крестьянам, они часто были беззащитны перед произволом чиновников, беззащитностью «сильных» (ср. прошения и жалобы далее в тексте). Но в отличие от них, «умеренные» располагали определенной экономической независимостью, определенными гражданскими правами. В классическом полисе экономическая независимость и гражданские права способствовали формированию чувства собственного достоинства у «средних».

Надпись Птолемагрия и другие приведенные тексты свидетельствуют о проникновении в египетскую хору опошленной и вульгаризированной греческой философии⁴⁹, проповедовавшей «умеренность» и даже «бедность евангельского Лазаря»⁵⁰. Понятно, что такую философию не могли непосредственно усвоить беднейшие крестьяне. Сначала она должна была проникнуть в средние слои, не чуждые греческой образованности.

Итак, уже в конце I в. до н.э. — I в. н.э. среди нарождающихся средних рабовладельческих слоев Египта начинает складываться идеал скромной земледельческой жизни, существования «мирного» и «безупречного».

Но если для философа опасность этого идеала прежде всего находится в самом человеке, то для большинства авторов жалоб и прошений она лежит вовне, олицетворяется различными носителями произвола и беззакония, грозит разорением и потерей того «умеренного» достатка, коим они живут.

Мы уже цитировали сетования жителей Афродито на пагарха, лишившего их возможности жить *μετρίως* (бедно, умеренно) и в кротости (*εὐκολία*). Жалобы такого рода довольно многочисленны.

Некая дочь ухаживала за своей матерью, насколько ей позволяла ее *μετρίτητα* (бедность, умеренность). После смерти матери соседи захватили имущество покойной. Обиженная дочь выражает надежду на неотвратимость наказания для обидчиков: «Не малая опасность грозит тем, кто легко предается воровству и грабит чужое добро»⁵¹. Упования на спасающую силу закона — лейтмотив данного типа источников.

Упомянутый выше диакон, к «кротости» которого проявили «презрение», также надеется на наказание для тех, «кто выбрал путь бесстыдный и разбойничий»⁵².

«С презрением» отнесся эксгимнасиарх Оксиринха Аврелий Сотес к «умеренности» (*μετρίτης*) бывшего верховного жреца Ароинои Аврелия Деметрия, сына Нила. Аврелий Сотес отказывается выплатить Деметрию долг. Кредитор жалуется префекту, уповая на его обычное покровительство метриой⁵³. Заметим, что бедность (*μετρίτης*) бывшего верховного жреца весьма относительна.

О «презрении» к их мирному образу жизни, кротости пишут в приведенных уже документах крестьяне, ограбленные богатым соседом⁵⁴, вдова, обманутая опекунами⁵⁵. Вообще люди богатые и склонные к насилию имеют обыкновение презирать (*καταφρονεῖν*) слабость, в том числе и физическую (отсутствие глаза, например)⁵⁶.

Упоминавшийся Аврелий Исидор сетует: «То, что приводит к разорению и бегству нас, людей бедных (*τοῖς μετρίοις*), законы запрещают, однако я сам, будучи (человеком) весьма бедным (*μέτριος παντελῶς*), страдаю от насилия и беззакония»⁵⁷. Здесь вновь фигурирует спасительная для «умеренных» сила закона.

О том же пишут некие метриой, жалующиеся президу на юношей, совершивших над ними насилие: «Если весьма сильным (*τοῖς μεγάλα δυναμένοις*) удастся то, на что они посягают, и если они не отражаются исполнением законов, жизнь метриой становится невыносимой»⁵⁸.

Метриой уповают на закон, а «весьма сильные» не имеют в «грудях страха судилища», веря в то, что их сила сильнее законов⁵⁹.

Список жалоб можно было бы продлить. Не везде авторы называют себя метриой, но обычно подчеркивается их бедность и качества, связанные с идеалом «умеренности». Стражник,

избитый солдатом, ссылается на безупречность своей службы: «Ничто не может быть ужаснее и тяжелее насилия (ὑβρεως). Доживя до столь почтенного возраста, имея 81 год от роду, я безупречно (ἀμείπτως) служу аработоксотом»⁶⁰. Интересно, что ὑβρις (насилие, необузданность, наглость), столь часто упоминаемая в папирусах римского периода, считалась у греков грехом против меры, чем-то противоположным умеренности⁶¹.

Итак, метриой постоянно терпят притеснения со стороны «весьма сильных». Если для первых характерны честный земледельческий труд, кротость, безупречное несение повинностей, умеренность, то для вторых — отсутствие «умеренности» в поведении, наглость, презрение к слабости. И метриой, и их притеснители могут принадлежать к самым разным социальным слоям, но в целом противопоставляются высшие низшим, обладающие властью — безвластным.

Между теми и другими стоит закон. Закон — главная опора и надежда метриой (в жалобе крестьян Афродито его место занимает бог). Постоянные риторические высказывания о законе составляют, по мнению В. Шубарта, характерную черту жалоб и прошений римского периода⁶². Традиции почитания закона имеются как в античной философии, так и в древнем Египте. Древнеегипетская идеология содержала понятие «маат» — справедливости, правопорядка, правды⁶³. Противопоставление силы и закона было существенным моментом спора Платона с софистами (достаточно вспомнить Калликла и Фрасимаха в платоновских диалогах). Неизвестные юноши из приведенного выше папируса дословно следуют Фрасимаху, считая, «что их сила сильнее закона»⁶⁴.

Но что вызвало оживление древнеегипетской и проникновение античной традиции? Прежде всего, вероятно, кризис III в. и связанная с ним шаткость законов, разгул насилия. Как отметил для раннего средневековья С. С. Аверинцев, реальному и фактическому беспорядку общество с большой страстью и энергией противопоставляет духовный порядок⁶⁵. Вторая же причина — формирование идеологии *мэтриой*. Слабые позволили себе заговорить о собственных правах. При этом они не просто доказывали свою справедливость в каждом отдельном случае, но и взывали к справедливости и закону для всех «умеренных». Египетские земледельцы переходят на язык полисных государственно-правовых концепций и даже обвиняют насильников в «тирании»⁶⁶. Однако «кротость», миролюбие исключают активное сопротивление насилию. Поэтому закон и приобретает для *мэтриой* столь большое значение.

Вера в закон как таковой сочетается с заискиванием перед конкретными его представителями — чиновниками. Обманутый кредитор Аврелий Деметрий, сын Нила восхваляет префекта за покровительство «умеренным»⁶⁷. Аврелий Исидор пишет стратегу Арсиноитского нома: «Твое, о господин гегемон, покрови-

тельство простирается на всех, в особенности же на нас: «умеренных» и живущих добродетельно»⁶⁸. Уверения в том, что власть оказывает предпочтение низшим и слабейшим (лаой⁶⁹, земледельцам⁷⁰, женщинам и вдовам⁷¹) — не редкость в документах греко-римского Египта. Но здесь эти уверения приобретают моральный характер: предпочтение оказывается бедным не потому, что они бедные и несчастные, а потому, что именно они (бедные) — истинно добродетельные люди.

Один из папирусов сохранил протокол народного собрания Оксиринха, на котором городской демос чествовал притана. Среди эпитетов были и такие: архонт «умеренных», спаситель «умеренных»⁷². Отмечалась также любовь притана к полису, приверженность его к равенству. Магистрат предстает защитником *мэтриос* подобно тому, как это было в демократических городах-государствах.

Но «любовь» метриой к закону и властям, их «безупречность» в несении повинностей проявлялись, конечно, лишь в тех случаях, когда этих повинностей нельзя было избежать. Пытаясь избавиться от литургий или налогов, люди самого разнообразного состояния объявляют себя метриой, т. е. бедными и несчастными.

Так, жители запустевшей фаюмской деревни Филадельфии просят епарха вернуть их сбежавших односельчан⁷³. Просителей всего трое, но в условиях массового анахоресиса и по причине круговой поруки они вынуждены платить налоги за 500 агур, являясь «людьми метриой и одиноко живущими». *Мэтриос* переводится здесь не «умеренный», а просто «бедный».

Эпимелеты золотого ксоана Афины — Тоэрис умоляют prefecta ввиду их бедности («мы же, господин, сами будучи метриой...») не настаивать на погашении растраты. Бедность же эпимелетов заключается в том, что они владеют скромным имуществом (*мэтрия*), с которого едва могут прожить⁷⁴.

На заседании оксиринхского городского совета (булэ) в конце III в. н. э. решался вопрос о кандидатуре на обременительную литургию. Некий Птолемей, сын Эудаймона доказывал невозможность для него нести повинность, так как он является метриос и кормится от своего отца⁷⁵. В устах Птолемея метриос выступает в значении *αλπος* — не имеющий порося, т. е. имущества, необходимого для литургии⁷⁶.

Аврелий Гонорат дал поручительство за литурга, последний же ушел от литургии, воспользовавшись патронатом. Обманутый поручитель пишет президу, ссылаясь на свою величайшую бедность (*πενίαν*): «Защити меня, бедного (*мэтриос*)»⁷⁷.

В документах такого рода слово «метриос» теряет всякую этическую окраску, всякую социальную принадлежность. Оно выражает лишь самоуничижение просителя, стремящегося разжалобить чиновника или членов булэ. «Умеренность» окончательно превращается в «бедность».

Отсюда делается понятным тот факт, что для Оригена *μετρίτης* — один из синонимов смирения⁷⁸, что слово это употреблялось египетскими епископами вместо *ἐϋ* как титул, выражающий смирение⁷⁹.

Еще в чисто «языческом» письме IV в. н. э. мы читаем следующую сентенцию: «Полезно, оказавшись в несчастьи, отступить, а не спорить с судьбой. Принадлежа к числу бедных и несчастных (*μετρίων ... καὶ δυστυχῶν*), мы не причисляем себя к ним»⁸⁰. Упомянувшийся письмовник III—IV вв. применяет слово *μέτριος* = *pauper* в контексте поздравления по поводу принятия наследства: «Благодарю тебя, возвеличившего память Сульпиция, бедного (*pauperis* = *μετρίου*) но друга тебе»⁸¹. Главный врач Антинополя Фебаммон составляет завещание на наследство весьма значительное, что не мешает ему подчеркивать дважды в этом документе свою бедность и малый достаток (*μετριοσύνη, μετρίότης*)⁸². Признание собственной «умеренности» подчеркивает «смирение» человека перед людьми, судьбой или богом.

Напрашивается параллель между метриой и *humiliores* («более смиренными»). Первый термин возник «снизу», без санкции государства, второй — «сверху», как правовое понятие. Но оба они представляли общее название для огромной категории людей — свободных (и полусвободных) мелких и средних собственников. До распространения слова «метриос» египетские жалобщики и просители указывали лишь на свою принадлежность к узкой профессиональной и юридической группе (ткач, клерух, «царский земледелец» и т. п.). Теперь же они причисляли себя к огромному слою «маленьких людей», всех, кого обижали и притесняли. В эпоху многочисленных формально-правовых перегородок это был огромный прогресс.

Как писал М. Блок, «появление слова — это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде; он отмечает, что наступил решающий период осознания. Какой великий шаг был сделан в тот день, когда приверженцы новой веры назвали себя христианами!»⁸³.

Подобный «решающий период осознания», когда притесняемые осознали себя как социальную общность, уже имелся, видимо, в египетской истории. При всей шаткости аналогий интересно сравнить «метриой» с древнеегипетскими *ndsw* (имеется в виду именно аналогия, а не генетическая связь, которую предположить практически невозможно).

Долгое время *ndsw* было принято считать людьми среднего имущественного положения, выдвинувшимися в результате развития частной собственности и рабовладения. О. Д. Берлев, напротив, видит в них не какой-то определенный социальный слой, а всех незначительных по своему общественному весу, всех убогих, бедных и т. п. *Ndsw* — объект произвола и притеснений со стороны «больших» и «великих». Степень их слабости могла ме-

няться и люди с каким-то достатком все же оставались беззащитными перед произволом чиновников. По мнению О. Д. Берлева, *pdsu* следует переводить как «маленькие люди». Существование этого термина между VI и XII династиями он связывает со смутами и неурядицами, с нарушением правопорядка⁸⁴.

Итак, в I—IV вв. на египетской почве складывается идеология «умеренности», охватывающая самые различные социальные слои — от бедных крестьян и горожан до муниципальной верхушки. Ее общие черты: уважительное отношение к «честной бедности» и отрицательное — к чрезмерному богатству, прославление «кротости» и мирного образа жизни в противоположность суетливости, стяжательству и насилию, принятие земледельческого труда и безупречного выполнения государственных повинностей, вера в спасительную силу закона и покровительство государства (в лице чиновников) людям бедным и «умеренным».

Вернемся к вопросу, сформулированному в начале статьи. Существовала ли связь между полисной системой ценностей и нравственным идеалом смиренного бедняка? Ответ представляется нам положительным. Полисное понимание «умеренности», человеческого достоинства «умеренного» проникает в Египет вместе с «греческой вульгарной философией», греческой образованностью и ее носителями — средними рабовладельческими слоями полисного, античного типа. От них оно переходит «вниз» к крестьянам и ремесленникам. Разорение средних слоев, их стесненное положение перед лицом бюрократии и крупных землевладельцев ведет к изменению смысла слова: «умеренность» превращается в «бедность», но «достойную», в «смирение», но добровольное, добродетельное. Само чувство собственного достоинства имеет, вероятно, полисное, античное происхождение (как и понимание свободы вообще). Пробуждение его в бедняках также может быть объяснено развитием и распространением полисных идеалов в условиях, далеких от полисной свободы и приближающихся к обстановке восточной деспотии.

Существовали ли местные, египетские корни идеологии «умеренности»? Прославление данного качества увидел Ж. Пиренн в наставлениях египетского писца, относящихся к I в. н.э. (Р. Insinger). Однако «умеренность» понимается писцом лишь как чувство меры, которое противопоставляется аскетизму, греху против чувства меры. Писец уважает труд, но видит в нем путь к богатству⁸⁵. Житейская мудрость Р. Insinger направлена на преуспевание и имеет мало общего с нормами, например, стоической философии. Надпись Птолемагрия, относящаяся к тому же времени, что и советы писца, резко контрастирует с ним. С другой стороны, в египетской религии происходила переоценка бедности⁸⁶.

Но в данной работе речь идет не об определении корней христианской идеологии во всей их полноте, а лишь о наличии полисных истоков моральной переоценки бедности.

В заключение отметим, что одновременно с идеалом умеренности в Египте сложилась и своеобразная «религия успеха», мечта о преуспевании, продвижении (*прохотѣ*).

Крупный военный чиновник Абинний мог прочесть в послании своего клиента: «Все мы молимся за наибольший успех своих друзей, чтобы и нам получать удовольствие от их дел»⁸⁷. Архитектор Герод сообщает стратегу Аполлонию о своих молитвах перед Исидой за его наилучшее преуспевание⁸⁸. Слуга пишет господину: «Молюсь, чтобы увидеть тебя в большем успехе, в щедрейшем процветании»⁸⁹.

В армии *прохотѣ*, отождествлявшаяся с карьерой, была предметом мечтаний и простых воинов. Египтянин, попавший в римский флот, пишет отцу: «Умоляю тебя, господин мой отец, напиши мне письмо... чтобы я мог преклониться перед твоим писанием, ибо ты хорошо воспитал меня, и поэтому я надеюсь быстро продвигаться, если того захотят боги»⁹⁰. Астрологический фрагмент II в. н. э. обещает быстрое продвижение (успех) в воспитании, так что «данный человек будет весьма деятельным (*πρακτικὸς*)»⁹¹. Вспомним отстранение от активной деятельности (*ἀπραγμοσύνη*), осуждение «богатства и дурно подражающей зависти» в идеологии «умеренных»!

Если «умеренность» была традиционной полисной добродетелью, то о «практичности» этого нельзя сказать. Понятия «практический разум», «практическая жизнь» употребляются Платоном и Аристотелем с оттенком пренебрежения⁹². Слово *прохотѣ* внедрилось в лексикон античных авторов очень поздно — в эллинистический период⁹³. «Религия успеха» — скорее порождение эллинизма и Римской империи, чем наследие полисной системы ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). М., 1961; TWNT, s. v. *πένης, πτωχός, ταπεινός*; Vogt J. Ancient slavery and the ideal of man. Cambridge (Mass.). 1975, p. 149bb; Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 82—83.

² Штаерман Е. М. Мораль и религия..., с. 8—10.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 466.

⁴ Aristot. Politic. III, 3, 3.

⁵ TWNT, s. v. *πένης* (Bd. VI, S. 37—40).

⁶ Vogt J. Ancient..., p. 148—151.

⁷ Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976, с. 230—232.

⁸ Штаерман Е. М. Мораль и религия..., с. 281.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 308—309.

¹⁰ L-S-J, s. v. *μέτρος*; Wb., s. v. *μέτρος*; Youtie H. S. Notes sur P. Cairo-Boak 57049.—CE, 55, 1953, p. 148—153; Cadell H. Le renouvellement de vocabulaire au IVe siècle de notre ère d'après les papyrus.—Congr. XIII, p. 66.

¹¹ P. Bon. 5, 17.

¹² Cadell H. Le renouvellement..., p. 66.

¹³ P. Oxy. 1117 (ок. 178 г. н. э.); In Metr. 22 (конец II — начало III в.

н. э.); PSI 1422 (III в. н. э.); Р. Оху. 1415 (конец III в. н. э.); Р. Оху. 1121 (около 295 г. н. э.).

¹⁴ Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 390—392.

¹⁵ Р. Mert. 91, 6 (316 г. н. э.). Подробно о хозяйстве Аврелия Исидора см.: **Павловская А. И.** Египетская хора в IV в. М., 1979, с. 129—141.

¹⁶ Р. Mert., 91, 6, стк. 17.

¹⁷ Р. Mert., v. II, p. 161.

¹⁸ In. Metr. 22, IV, 3—4 (конец II — начало III в. н. э.).

¹⁹ In. Metr. p. 117.

²⁰ PSI 1422 (III в. н. э.).

²¹ Р. Masp. 2783.

²² Р. Оху. 2131.

²³ Sel. Pap. 291 (248 г. н. э.); Sel. Pap. 296 (392 г. н. э.).

²⁴ **Штаерман Е. М.** Мораль и религия..., с. 134.

²⁵ Р. Оху. 2410.

²⁶ Р. Оху. 71, II (303 г. н. э.).

²⁷ SB 9622.

²⁸ **Barnes J. W. B.** A fourth-century deacon's petition from Theadelphia.— *Studia patristica*. Berlin, 1957, V. I, p. 7.

²⁹ PSI 1422 (III в. н. э.).

³⁰ Р. Оху. Hels. 23.

³¹ Philo. De Abrahamo, 20—22.

³² Philo. In Flaccum, 41.

³³ In. Metr. 114.

³⁴ **Welles C. B.** The garden of Ptolemaei at Panopolis.— *TPhA*, 77, 1946, p. 203—205.

³⁵ In. Metr. 114, III, 7—13.

³⁶ Ibid. II, 12—15.

³⁷ Ibid. III, 3—4.

³⁸ Ibid. III, 5—6.

³⁹ Ibid. III, 10.

⁴⁰ **Welles C. B.** The garden of Ptolemaei..., p. 203.

⁴¹ Ibid. p. 198, 203.

⁴² Aristot. Politic. IV, 5, 3.

⁴³ Aristot. Politic. IV, 9, 3—4. Перевод С. А. Жебелева (Политика Аристотеля. М., 1911, с. 178—179).

⁴⁴ Aristot. Politic. IV, 9, 6.

⁴⁵ **Rostovtzeff M.** The social and economic history of the Roman empire. Oxford, 1957, p. 287—298.

⁴⁶ **Ковельман А. Б.** Аренда в Южном Фаюме в середине I в. н. э. (по мичиганским регистрам).— *ВДИ*, 1974, № 2, с. 84.

⁴⁷ **Rostovtzeff M.** The social and economic history..., p. 287—298.

⁴⁸ **Фихман И. Ф.** Оксиринх — город папирусов. М., 1976, с. 211—225.

⁴⁹ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. т. 19, с. 308.

⁵⁰ Там же, с. 312.

⁵¹ Р. Оху. 1121 (295 г. н. э.).

⁵² SB 9622 (IV в. н. э.).

⁵³ Р. Оху. 71, I (303 г. н. э.).

⁵⁴ Р. Оху. 2410 (120 г. н. э.). См. сн. 25.

⁵⁵ Р. Оху. 1122 (IV в. н. э.).

⁵⁶ Р. Corn. 422—425 (197—198 гг. н. э.).

⁵⁷ Р. Cair. Isidor 68, 4—8 (310 г. н. э.). См. также: 69 (310 г. н. э.).

⁵⁸ SB 11220, 4—7 (323 г. н. э.).

⁵⁹ Там же, стк. 14—16.

⁶⁰ Sel. Pap. 291 (248 г. н. э.)

⁶¹ **Аверинцев С. С.** Поэтика ранневизантийской литературы, с. 67.

⁶² **Schubart W.** Das Gesetz und der Kaiser in griechischen. Urkunden.— *Klio*, 1937, Bd. 30, S. 54—69.

- ⁶³ Polacek A. Lehre der Antike. Randglossen zu Ptahhoteps Anstandsregeln.— Congr. XIII, S. 341—343.
- ⁶⁴ SB, 11220, 14—16 (323 г. н. э.).
- ⁶⁵ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 15.
- ⁶⁶ P. Giess. 61 (119 г. н. э.); SB 9105 (кон. II в. н. э.).
- ⁶⁷ P. Oxy. 71, I, 3.
- ⁶⁸ P. Mert. 91. 6.
- ⁶⁹ OGIS 90, 47—48 (196 г. до н. э.).
- ⁷⁰ SB 7738, 7—8 (22—23 гг. н. э.); SB 7517, 4 (211—212 гг. н. э.).
- ⁷¹ Ryl. 114, 3 (280 г. н. э.).
- ⁷² P. Oxy. 41 (ок. 300 г. н. э.).
- ⁷³ Sel. Pap. 295 (332 г. н. э.).
- ⁷⁴ P. Oxy. 1117 (ок. 178 г. н. э.).
- ⁷⁵ P. Oxy. 1415.
- ⁷⁶ W. Gr., S. 343.
- ⁷⁷ P. Hermop. 19 (392 г. н. э.).
- ⁷⁸ Origen. In Lucam. hom. VIII, 941.
- ⁷⁹ Sophocles. s. v. μετρίστης.
- ⁸⁰ P. Oxy. 120R, 4—9.
- ⁸¹ P. Bon. 5, 15—19.
- ⁸² P. Masp. 67151 (570 г. н. э.).
- ⁸³ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 91.
- ⁸⁴ Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978, с. 89 сл.
- ⁸⁵ Pierenne J. La religion et la morale dans l'Égypte antique. Neuchâtel-Bruxelles, 1965, p. 156—158.
- ⁸⁶ См. прим. 7.
- ⁸⁷ P. Lond. 232 (v. II, p. 296), 4—5 (396 г. н. э.).
- ⁸⁸ P. Brem. 15, 34 (нач. II в. н. э.).
- ⁸⁹ Sel. Pap. 123, 15—16 (II в. н. э.).
- ⁹⁰ Sel. Pap. 112, 15—16 (II в. н. э.).
- ⁹¹ P. Iandanae 3, 4—6.
- ⁹² См. ссылки на Платона и Аристотеля в статье πρακτικὸς L—S—J.
- ⁹³ L—S—J, s. v. προκοπή.